

Горюнова Е.А., Дементьев Н.Е., Чебанова А.В.
МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КРЫМА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ
ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ В 1920-Е ГОДЫ.

Исходным документом, положившим начало социалистическим преобразованиям в крымской деревне сразу же после окончания гражданской войны, стал декрет «О социализации земли», принятый III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 года. Он навсегда отменял всякую частную собственность на землю, провозглашал передачу ее без всякого выкупа в пользование всего трудового крестьянства, предоставлял право пользования землей только тем, кто обрабатывал ее собственным трудом, торговля хлебом объявлялась государственной монополией. Второй раздел декрета содержал ряд статей, в которых перечислялись юридические и физические лица, имевшие право на пользование землей. Таковыми являлись: государство в лице органов Советской власти; общественные организации, контролируемые властью; сельхозкоммуны, сельхозтоварищества, сельские земельные общества; торгово-промышленные и транспортные предприятия; отдельные семьи и лица, не допускавшие превращения земли в средство извлечения дохода. Третий раздел декрета устанавливал порядок предоставления земли в пользование. Земля предоставлялась в первую очередь тем, кто желал работать на ней не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы. Для занятий земледелием в личных интересах устанавливался следующий порядок землепользования: в первую очередь землей должно было наделяться безземельное и малоземельное местное земледельческое население и местные сельскохозяйственные рабочие (батраки); во вторую очередь – пришлые, т.е. прибывшие в данную местность после опубликования декрета «О социализации земли»; в третью очередь – неземледельческое население в порядке регистрации в земельных отделах Советов. При этом предпочтение отдавалось трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами. В последующих разделах декрета устанавливалась трудовая норма наделения землей, в том числе и под постройки, проводилась возрастная грань между трудоспособными и нетрудоспособными, характеризовалась политика переселения крестьянских хозяйств из районов малоземельных в районы многоземельные, устанавливались формы землепользования с указанием на преимущества артельных и кооперативных хозяйств.¹

Годом позднее, а точнее 15 февраля 1919 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О земле КССР», призванный применить общие положения о землепользовании Российской Федерации на территории Крыма с учетом его региональных особенностей. Указывалось на три основные сельскохозяйственные зоны Крыма, сильно отличавшиеся по почвенно-климатическим условиям: степную, предгорную и горную. В соответствии с этим складывалась основная специализация зон: в степной части преобладали полеводство и животноводство, в горной – садоводство, виноградарство, табаководство, в предгорной – смешанный тип хозяйств. Высшие органы власти России намеревались применить на территории Крыма основные законоположения о социалистическом землеустройстве со следующими изменениями: 1. Весь земельный фонд Крыма подразделялся на основной и запасной; 2. Земли должны были передаваться в пользование крестьянам по выработанным Наркомземом Крыма трудовым нормам. В каждом из 30 почвенных регионов полуострова должна была устанавливаться такая норма. Предусматривалось наделение землей в первую очередь безземельных и малоземельных крестьян, которые занимались земледельческим трудом в Крыму до января 1918 года приписанные к земельным обществам. Во вторую очередь право пользования землей в Крыму получало пришлое земледельческое население (после января 1918 года). В последнюю очередь таким правом пользовались все остальные. Согласно закону о земле, она должна была передаваться в пользование крестьянам, занимавшимся полеводством, сроком на 9 лет, и крестьянам, занимавшимся долготлетними культурами, – 15 лет.²

После разгрома врангелевских войск Крымревком издал приказ №2, который предписывал «Изъять из частного владения как разных ведомств, так и частных лиц, все имения южного берега Крыма: в районе от Судака до Севастополя включительно».³ Выполнение этого приказа явилось самым первым шагом крымских советских властей по проведению декрета «О социализации земли» в жизнь. Вслед за южным побережьем Крыма национализация земли была распространена на остальную территорию полуострова. Но власти не спешили с распределением земли между крестьянами. На самых лучших землях ими планировалось создать свыше 1000 совхозов.

Уже весной 1921 года в Крыму ясно обозначились признаки острого продовольственного кризиса. Состоявшееся 25 марта объединенное заседание Крымского областкома партии и Ревкома рассмотрело вопрос «О продовольственном положении» и констатировало «очень тяжелое положение в Крыму». По этой причине было решено не объявлять о решениях X съезда РКП(б) и ВЦИК об отмене продразверстки и замене ее натуральным налогом, «реализовать полностью объявленную разверстку, а замену натуральным налогом ввести с нового урожая». 21 апреля Ревком Крыма дополнил эту меру другой. Его очередной приказ «О воспрещении бесплатной раздачи сельскому населению земледельческих орудий и другого инвентаря» предусматривал обмен таковых на продукты сельского хозяйства.⁴

Проходившая в мае 1921 года I Крымская областная партийная конференция одобрила эти решения. Но они не разрешали всех проблем, накопившихся в крымской деревне. Поэтому главным в повестке дня конференции стал вопрос «Земельная политика в Крыму». Принятая по нему резолюция исходила из общих задач Коммунистической партии в поземельных отношениях: привлечение на сторону Советской власти беднейшего и среднего крестьянства, как решающей силы, без поддержки которой не мыслился успех пролетарской революции в аграрной стране; поднятие производительности сельского хозяйства на такую высоту, которой она никогда не достигала при капитализме; всемерная борьба с факторами, возрождавшими капиталистические отношения в деревне. Конкретными путями разрешения этих задач провозглашались: 1) полная экспроприация нетрудовых земель и их социализация; 2) искоренение капиталистических отношений в деревне посредством подрыва экономических позиций самого мощного слоя крестьянства; 3) удовлетворение земельного голода крестьянской бедноты за счет кулачества.⁵

Все эти меры обосновывались ссылками на марксистское учение. «Основное положение марксизма, – говорилось в резолюции, – есть положение о неизбежной гибели крестьянского хозяйства в процессе экономического развития. В задачи Коммунистической партии никоим образом не входит увековечивание земельной собственности крестьян. В период органического развития революции непосредственно вслед за моментом захвата власти Коммунистическая партия выдвигает следующие коллективные формы хозяйства:

1. Советские хозяйства, как показательные культурные рассадники. «Совхоз как хлебная фабрика».
2. Сельскохозяйственные трудовые коммуны, как продукт самостоятельности сельского пролетариата на пути к обобществлению сельского хозяйства.
3. Сельхозартели и товарищества по общественной обработке земли – переходная ступень к обобществлению сельского хозяйства».⁶

Итак, главные ориентиры в проведении земельной политики были определены, за этим последовали действия. Экспроприация «нетрудовых земель» захватила и земли, находившиеся в арендном пользовании безземельных и малоземельных крестьян и, как следствие этого, ухудшила экономическое положение значительной части крымского крестьянства, которая была отеснена от арендной земли, ранее ими обрабатывавшейся. Первые шаги крымских властных структур по созданию в бывших помещичьих имениях совхозов оказались неудачными. В середине 1921 года они были вынуждены признавать «экономическую незаинтересованность батраков работой в совхозах», чем было вызвано «значительное понижение общего уровня производительности и культуры на бывших нетрудовых землях (совхозах)».⁷ В особой

мере это сказалось на крымском садоводстве. Многие национализированные сады приходили в запустение, что вынудило крымское руководство в конце 1921 года передать их бывшим владельцам «для сохранения садовых культур и поднятия доходности садов». Выработанная Наркомземом Крыма инструкция предусматривала условия этой передачи и сроки пользования садами от 3 до 9 лет в зависимости от их состояния.⁸

Уже эти факты должны были насторожить органы Советской власти, побудить их к глубоким раздумьям в отношении взятого ими курса на социалистическое переустройство экономики села, тем более, что подобная ситуация складывалась в масштабах всей страны. Но этого сделано не было, надежды безземельных и малоземельных крестьян на получение земли оказывались обманутыми. Многие из крестьян Крыма, недовольные земельной и продовольственной политикой, выступили против Советской власти с оружием, ушли в горные леса. Крым в этом плане не был исключением. «Политический бандитизм» стал массовым явлением на окраинах всей страны. Не случайно В.И. Ленин характеризовал на X съезде РКП(б) обстановку в стране двумя словами: «политический бандитизм». В условиях Крыма он имел свои особенности: подавляющее большинство участников вооруженной борьбы с Советской властью составляло татарское население, более других нуждавшееся в земле, особенно в горной и предгорной частях Крыма. Центром движения так называемых «зеленых» были Бахчисарай и его окрестные местности.

Разобраться в ситуации, сложившейся в Крыму, было поручено полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, созданной на заседании Президиума ВЦИК 12 мая 1921 года. В состав комиссии вошли представители Наркомата национальностей России Ибраимов и Даугель-Дауге, от Совнаркома – Фофанова и командовавший войсками Крыма Якир, председатель КрымЧК Фомин, председатель Ревкома Крыма Шидарев и члены Крымского областкома РКП(б) Гавен, В. Ибраимов и Мотелев. По прибытию представителей российского центра в Крым 20 июня было обнародовано «Воззвание к трудящемуся населению Крыма». В нем говорилось: «Необходимым условием дальнейшего строительства является ликвидация всех недоразумений и конфликтов, создавшимся благодаря неумелым, а нередко и преступным действиям как отдельных лиц, так и целых учреждений». Комиссия заявляла о целях своего прибытия в Крым: «На месте уладить разногласия, искоренить допущенные ошибки, подвергнуть виновных законному наказанию, провести реорганизацию местных органов власти, осуществить автономию Крыма, учитывая все местные особенности». Комиссия призвала оказать ей помощь. С 20 июня по 5 июля в ее адрес поступило 65 коллективных жалоб от крестьян. Комиссия провела в Крыму 8 заседаний, обсудив 40 вопросов. На самом первом заседании был поставлен вопрос «О земельной политике в Крыму». В ходе его рассмотрения комиссия пришла к выводу о том, что крымские власти «очень уж сильно запутали этот вопрос». Комиссия предложила Наркомату национальностей РСФСР «отложить окончательную формулировку и опубликование декрета об автономии Крыма, пока комиссия не представит заключение по землеустройству и землепользованию в Крым», что и было сделано.⁹

Проанализировав продовольственное положение Крыма, комиссия отметила, что продовольственная кампания началась здесь в благоприятной обстановке. После эвакуации Врангеля на полуострове осталось большое количество продовольствия. Но постепенно создались трудности по причине введения в Крым огромного количества частей Красной Армии. Все они имели свои заготовительные аппараты, не сумевшие освободиться от методов работы фронтовой обстановки. Военские части снабжались в Крыму по нарядам российского центра из многих возможных источников, чем самым наносился ущерб продовольственному снабжению гражданского населения. Военные снабженческие аппараты особенно сильно злоупотребляли властью. Это привело к обнищанию крымского населения. Полномочная комиссия констатировала: «В настоящее время продовольственное положение Крыма катастрофическое. Налицо имеется 75.000 пудов хлеба при наличии 108.000 едоков военных учреждений и 200.000 гражданских учреждений и ударных предприятий».¹⁰

Политическая обстановка складывалась так, что власти вынуждены были с 1 июня 1921 года отменить продразверстку. На это время разверстка на зерно-хлеб в 2.000.000 пудов дала 1.560.646 пудов, что составляло 78% от плана, а по зерно-фуражу из 2.400.000 пудов было отработано 1.234.121 пуд, или 51,4% от плана.¹¹ Комиссии было ясно, что выкачать больше из крымской деревни невозможно и что продолжение взятого в Крыму курса чревато самыми серьезными последствиями для крымских властных структур. Ее члены пришли к убеждению, что массовый политический бандитизм в Крыму есть следствие перегибов в земельной, продовольственной и национальной политике. 3 июля 1921 года по инициативе комиссии в Алушке произошла встреча с представителями движения «зеленых». На этой встрече присутствовали: со стороны Советской власти – члены полномочной комиссии, члены Крымского областкома партии, члены Крымского Ревкома; со стороны «зеленых» – командиры отрядов. В ходе переговоров было решено заключить между сторонами договор, по которому «Зеленые» в 2-недельный срок слагают оружие и прекращают борьбу против Советской власти, а последняя гарантирует им амнистию за совершенные преступления. Договор подписали с одной стороны – глава полномочной комиссии Ибраимов и секретарь Крымского областкома партии Акулов, с другой – командиры Мумладзе и Алёшин.¹²

5 июля 1921 года на заседании комиссии был поставлен вопрос «Утверждение договора с белозелеными о сдаче орудия и амнистии их». Обсуждение его привело членов комиссии к выводу о необходимости «коренного пересмотра земельной политики, удовлетворения земель безземельных крестьян, в основном татар, являвшихся основной батрацкой массой крымской деревни».¹³ С этим соглашались все присутствовавшие на заседании представители крымских властей. Но не все из них были готовы амнистировать «зеленых». Члены комиссии настояли на утверждении подписанного в Алушке договора. Но после их отъезда из Крыма в противовес комиссии центра Президиум Крымского областкома РКП(б) в августе 1921 года принял следующую резолюцию: «... 5) Предложить Крымчека всех бандитов, ранее сдавшихся и подписавших договор, преследовать на общих основаниях; 6) всех остальных из бывших зеленых, не замеченных в соучастии в бандитизме, отправить за пределы Крыма».¹⁴ Такая «самостийность» крымских руководителей способствовала отзыву ЦК РКП(б) несколько позднее некоторых из них во главе с Акуловым из Крыма.

9 августа 1921 года Крымземотдел опубликовал в печати «Воззвание ко всему земледельческому населению Крыма», в котором заявлял, что «незыблемое право на пользование землей остается за всем трудовым земледельческим населением и в таком количестве, какое может обработать хозяйство силами своей семьи». Сообщалось, что во всех уездах ведется учет национализированных земель и что земельные органы уже приступили к отводам участков в пользование населения. Утверждалось, что в тех районах, где земель не хватит, крестьянам будут передаваться земли совхозов, не имеющих общегосударственного значения. До сведения сельских жителей доводилась информация о состоявшемся 15 июля I Всекрымском съезде представителей уездных и районных земотделов, на котором были приняты примерные нормы земельного обеспечения трудового населения деревень по различным районам Крыма. Говорилось, что дело теперь только за одобрением этих норм со стороны крымского крестьянства, на обсуждение которого выносятся предложения съезда.¹⁵ Но и эти обещания, как выяснится позднее, оказались пустыми словами: до конца 1921 года нужды безземельных и малоземельных крестьян властью не были удовлетворены. Крестьянство продолжало выражать свое недовольство медлительностью органов власти в проведении землеустройства, отводом самых лучших земель для создания новых совхозов, нажимом со стороны властей на крестьянство с целью приобщения их к коллективным формам землепользования. Такое происходило не только в Крыму, что подтверждает постановление «О восстановлении и развитии сельского хозяйства», принятое в декабре 1921 года IX Всероссийским съездом Советов. Поднятие сельскохозяйственного производства съезд признал первоочередной задачей государственной власти. Со ссылкой на решение II Всероссийского съезда Советов

подтверждалось право свободного избрания каждым земельным обществом любой формы землепользования – товарищеской, общинной, отрубной, хуторной или смешанной. В целях обеспечения земледельцам этого права провозглашалась возможность их выходов из земельных обществ с отведенным участком земли.¹⁶ Все эти меры выглядели со стороны демократичными, но реализованы на практике они не были. Многие зарегистрированные земельные общества в Крыму длительное время не были наделены землей, для части из них земля не была отведена вплоть до 1925 года потому, что в их составе находились «классово чуждые пролетариату элементы». Коль не были землеустроены сами общества, то не было и реальной возможности выхода из них крестьян с землей. Что же касается установок IX съезда Советов о свободе выбора крестьянскими хозяйствами форм землепользования, то они были призваны лишь внести успокоение в крестьянские массы.

Между тем экономическое положение Крыма продолжало ухудшаться. В мае 1922 года на полуостров прибыли председатель ВЦИК М.И. Калинин и председатель ВУЦИК Г.И. Петровский. На объединенном заседании Крымсовнаркома и Крымэкономсовещания в их присутствии председатель КрымЦИК Гавен, докладывая о состоянии дел в республике, нарисовал безотрадную картину. Уже в октябре 1921 года крымские власти обратились в Москву за оказанием продовольственной помощи, но российский центр отказывался признать Крым голодающим регионом до февраля 1922 года. К этому времени здесь голодали уже 500.000 человек, т.е. 60% всего населения. В декабре 1921 года от голода умерли 2.000, в январе 1922 года – 10.000, в феврале – 14.864, в марте – 19.869, в апреле – 23.353, в мае – 32.053 человека. «В городах, – говорил Гавен, – мы регистрировали лишь те трупы, которые были похоронены Коммухозом, а похоронения религиозными общинами – еврейской, караимской, армянской, греческой и другими, а также частными лицами – в эти цифры не входят. По нашим данным за четыре месяца голода погибли до 100.000 человек». Были приведены показатели о состоянии крымского животноводства: волов осталось 8%, лошадей – 21%, коров – 25%, овец – 40%, свиней – 2%¹⁷. Все это было следствием не только гражданской войны и засухи лета 1921 года, но и результатом увлечения крымских властей строительством эфемерных совхозов в ущерб экономическим интересам крестьян, классовых подходов к разрешению земельных и продовольственных вопросов. Председатель КрымЦИК Вели Ибраимов, выступая в 1924 году на заседании Президиума Крымского обкома РКП(б) с докладом «О состоянии сельского хозяйства в Крыму», говорил: «В конце 1921 года, после того как мы в порядке продрозверстки изъяли весь урожай у сельского хозяина, мы стали перед фактом, что у него вышел весь запас даже семенного материала. У него не было совсем продовольствия, чтобы существовать. Начался сильнейший голод, доходящий до людоедства».¹⁸

Проходивший в конце декабря 1922 года X Всероссийский съезд Советов принял постановление «О мероприятиях по укреплению и развитию сельского хозяйства», в котором отмечалось: «В основных производящих районах сельское хозяйство продолжает находиться в состоянии упадка. В целом по России наблюдается значительное сокращение посевной площади по сравнению не только с довоенным временем, но даже и с предыдущим годом. Ухудшается обработка почвы, низкая урожайность». Выход из создавшегося положения съезд видел в проведении в жизнь Земельного Кодекса, принятого 30 октября 1922 года на IV сессии ВЦИК, осуществлении работ по внутриселенному землеустройству, в содействии развитию кооперации. Были намечены меры по укреплению существовавших сельскохозяйственных коллективов, упорядочению налоговой политики с целью стимулирования развития наиболее выгодных с общегосударственной точки зрения отраслей сельского хозяйства, расширению кредитования крестьянских хозяйств, удовлетворению их семенных потребностей, частичному переходу от натуральных налогов к денежным. Центральной задачей всех органов власти и управления признавалось максимальное увеличение посевной площади.¹⁹

Большие надежды на быстрое восстановление сельского хозяйства и дальнейший его подъем крымское руководство связывало с Земельным Кодексом РСФСР, который был введен в действие на всей территории России с 1 декабря 1922 года. Многие положения этого документа повторяли содержание статей российского декрета «О социализации земли». Но были здесь и нововведения: провозглашалось право на бессрочное пользование землей; запрещалась покупка, продажа, завещание и дарение земли; запрещалась сдача всей или части земли в аренду на срок 3-4 года в зависимости от севооборота; признавалась законной только трудовая аренда, т.е. обработка арендованной земли только силами своего хозяйства; допускалось применение наемного труда при условии, если все трудоспособные члены хозяйства будут принимать участие в труде наравне с наемными рабочими; характеризовались юридический статус земельных обществ, права и обязанности их членов, трактовалось понятие «крестьянского двора» и порядок его раздела; определялись задачи землеустройства и переселения крестьянских хозяйств. Но больше всего внимания уделялось применению общественной обработки земли, коллективным формам землепользования: совхозам, коммунам, артелям и объединениям дворов, выделившихся из прежних земельных обществ.²⁰ Многим тогда казалось, что наконец-то найдено действенное средство упорядочения в стране всего дела землеустройства и землепользования, что это послужит делу восстановления и развития деревенской экономики. Так считало и крымское руководство. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Признание партией и государством целесообразности использования аренды земли и применения в крестьянском хозяйстве наемного труда, хотя и в строго ограниченных размерах, несколько оживило крымскую деревню, способствовало некоторому расширению посевных площадей, но решающего сдвига до 1925 года достигнуто не было. Это наглядно видно из нижеприведенной таблицы.

Размеры посевных площадей Крыма.

Годы	Всего десятин посева	В том числе:	
		Озимых культур	Яровых культур
1915	604.645	299.517	305.128
1916	777.950	390.927	387.022
1917	697.095	397.342	299.753
1918	652.530	356.350	296.220
1920	491.249	254.745	236.503
1922	186.505	79.348	107.158
1923	265.358	109.007	156.351
1924	305.107	167.012	148.095
1925/1926	450.000	250.000	200.000
1926/1927	530.000	278.000	252.000
1927/1928	650.000	372.000	278.000
1928/1929	536.000	300.000	236.000 ²¹

Приведенные в таблице данные Крымского статуправления свидетельствуют о том, что на всем протяжении 20-х годов размеры посевных площадей Крымской АССР не достигали уровня дореволюционных лет. Средняя урожайность зерновых культур с 1 десятины за 1914-1916 годы в Крыму составляла 14,4 центнера, а в самом урожайном 1925 году она равнялась 13,7 в 1926 году – 6,7 в 1928 году – 5,1, в 1929 году – 4,7 центнера с гектара.²² К такому выводу подводят и показатели следующей таблицы.

Урожай зерновых в крестьянских хозяйствах Крыма (в пудах)

Годы	Зерновые культуры	Итого	На 1
------	-------------------	-------	------

	пшеница	рожь	ячмень	овес	кукуруза	просо		сель. Чел.
1916	12.449.950	255500	6717600	3042750	297500	–	22763300	57,8
1917	11848800	409750	7109350	3969650	313250	–	23650800	60,6
1921	1025340	39740	289380	410870	43450	20950	1829730	4,6
1922	1955200	498720	399530	777960	1065350	41510	4738270	14,7
1923	6131054	2187674	2148506	1138589	1018115	231373	12855311	41
1924	5243159	578489	1968123	684606	348489	36993	8859859	27,6
1925	9143000	1724000	4158000	5140000	10 млн.	2,8 млн.	38.065500	65,4 ²³

Данные таблицы позволяют заключить, что на протяжении 1921-1924 годов урожайность основных зерновых культур в крестьянских хозяйствах Крыма была значительно ниже по сравнению с дореволюционной. И только в 1925 году, самом урожайном из всех предшествовавших лет, она превысила уровень 1916-1917 годов. Значительное расширение посевной площади весной и осенью 1925 года объяснялось внесением законодательными органами России в канун весеннего сева существенных поправок в Земельный Кодекс страны. Были сняты ограничения на сдачу земли в аренду и на использование наемного труда.²⁴ Российские власти на практическом опыте предшествовавших лет пришли к убеждению, что основная часть бедняцких крестьянских хозяйств не заинтересована в расширении запашек и посевов, в интенсификации своих хозяйств. Поэтому было решено привлечь к разрешению этих задач середняцкие и зажиточные слои деревни. Но это вовсе не означало, что Советская власть намеревалась удовлетворять из экономические интересы. На XIV съезде ВКП(б) Сталин так характеризовал позицию партии: «Что такое те поступки, которые мы сделали на XIV партконференции? Укладываются ли эти уступки в рамки нэпа или нет? Безусловно, укладываются. Может быть, мы расширили нэп на апрельской конференции? Пусть ответит оппозиция: расширили ли мы нэп в апреле или нет? Если мы его расширили, почему они голосовали за решения XIV конференции? И разве не известно, что мы все против расширения нэпа?»²⁵. И далее со ссылками на Ленина Сталин обосновывал возможность уступок капиталистическим элементам. Ленин, – продолжал он, – «всегда утверждал, что допуская торговлю и капитализм и меняя политику в направлении нэпа, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных условиях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма»²⁶.

Допустив определенные уступки крестьянству по аренде земли, использованию наемного труда, усилению товарооборота между городом и деревней, органы Советской власти проявили первоочередную заботу об улучшении продовольственных ресурсов страны. Эти меры в условиях НЭПа способствовали резкому усилению социальной дифференциации крестьянства: с одной стороны, появлялся более широкий слой пролетарских элементов деревни, с другой – происходило формирование нового слоя зажиточных хозяйств, нового «советского кулака». Руководствуясь марксистско-ленинскими идеями о классовом подходе к крестьянству, партийные и советские органы в 1927-1928 годах, опираясь на бедняцко-батрацкие массы, усилили экономический и политический нажим на зажиточные слои деревни. Усилиями органов власти на селе разжигалась классовая борьба. В такой неблагоприятной обстановке общая ситуация в сельском хозяйстве вновь ухудшилась, снижалась доходность сельскохозяйственного производства. Мы не располагаем официальными данными об урожайности в крестьянских хозяйствах за 1926-1929 годы. Но зато имеются другие показатели, характеризующие общую стоимость валовой продукции до революции и после нее.

Доходность сельского хозяйства Крыма (в золотых рублях).

годы	Общая	стоимость	В среднем на душу
------	-------	-----------	-------------------

	валовой продукции сельского хозяйства	сельского населения
1914	80.000.000	
1923/1924	57.762,4 тыс.	87 руб. 90 коп
1924/1925	85.056,3 тыс.	79 руб. 93 коп
1925/1926	83.056,3 тыс.	71 руб. 04 коп
1926/1927	81.957,4 тыс.	68 руб. 53 коп
1927/1928	70.562,3 тыс.	65 руб. 17 коп
1928/1929	65.877,2 тыс.	58 руб. 63 коп ²⁷

Приведенные в двух последних таблицах данные позволяют сделать вывод о том, что на всем протяжении 20-х годов крымская деревня не смогла подняться до уровня 1914-1916 годов ни по урожайности (за исключением 1925 года), ни по его валовой доходности. Обе таблицы характеризуют состояние дел в полеводстве.

Обратимся теперь к анализу положения крестьянских хозяйств, занимавшихся специальными культурами.

Размеры площадей посевов и валового сбора урожая (в десятинах и пудах).

годы	сады		виноградники		плантации табака	
	площадь	урожай	площадь	урожай	площадь	урожай
1916	13.857	3.855.000	7469	1.000.000	4145	207.250
1921	9.238	230.925	5.570	300.000	534	20.000
1922	9.000	300.000	4.400	280.000	400	20.000
1923	8.700	1.100.000	5.299	778.000	1877	69.000
1924	8.700	1.300.000	5.361	900.000	2542	63.000
1925	8.700	1.566.000	5.481	764.000	3900	275.000
1926	8.700	1.980.000	8.649	960.000	4.200	295.000
1927	8.700	1.088.500	5.864	802.000	3.000	140.000
1928	9.600	980.370	6.500	609.118	3.000	157.000
1929	9.600	767.000	5.600	505.500	3.000	147.000 ²⁸

Как свидетельствуют приведенные данные, только размеры плантаций табака превзошел их дореволюционный уровень дважды – 1925 и 1926 годах. Способствовавшие этому факторы – те же самые, о которых говорилось выше: отмена ограничений на аренду земли и использование наемного труда. Но в последующие годы размеры табачных плантаций были существенно сокращены, снизилась их урожайность. К концу 20-х годов по сравнению с 1916 годом валовая продукция крымских садов уменьшилась в 5 раз, виноградников – в 2 раза, табака – 1,5 раза.

Существенный урон в 20-е годы был нанесен крымскому животноводству, о чем свидетельствуют данные Наркомзема Крыма.

Численность поголовья скота в Крыму.

Годы	лошади	Крупный рогатый скот	овцы	козы	свины
1916	166.564	163.645	462.021	16.337	70.847
1917	146.577	149.606	350.232	10.164	86.986
1921	147.857	169.588	512.922	18.417	87.416
1922	56.319	90.316	288.680	15.653	7.382
1923	44.554	109.807	287.507	14.804	15.678
1924	62.571	156.726	361.446	26.657	45.515
1925	65.804	152.494	260.892	21.369	35.195
1926	75.697	94.179	288.680	35.117	42.820

1927	101.735	110.177	204.000	35.000	40.000
1928	114.000	156.000	200.000	35.000	41.250 ²⁹

Таким образом, ни разу на протяжении 1921-1928 годов в крымской деревне не была превзойдена дореволюционная численность поголовья лошадей, крупного рогатого скота (волы и коровы), овец и свиней. Выросло в 2 раза только число коз. Но это несколько не помешало составителям конъюнктурного обзора состояния народного хозяйства Крыма за 1927/1928 года представить дело так, будто дела в животноводстве Крыма обстояли гораздо лучше, чем в дореволюционный период. Здесь приведено процентное отношение численности поголовья скота в указанном году к численности в 1916 году³⁰, которое не соответствовало реальным цифрам. Судя по этому случаю, подобные факты имели место и в других официальных обзорах, направлявшихся в Москву. Подтверждением тому является выступление секретаря Керченского райкома ВКП(б) на IV объединенном пленуме Крымского областкома партии и областной контрольной комиссии Утимешева 3 декабря 1929 года: «Все время говорят об увеличении посевной площади. Мы должны сказать здесь, что со стороны Наркомзема по целому ряду районов мы имеем преувеличение – дутые цифры. Совершенно не учитывается реальность этих цифр, они не имеют никакого экономического обоснования. И когда мы задавали вопросы о реальности этих цифр, то получали ответ: «Вам дали контрольные цифры и никаких изменений не будут. То, что вы ее не выполните, мы знаем сами, т.к. они невыполнимы».³¹

Все выше приведенные данные официальных органов Советской власти (хотя их достоверность и вызывает сомнения) о состоянии крымской деревни на протяжении 20-х годов опровергают вывод авторского коллектива «Очерков истории Крымской областной партийной организации»³² о том, что в 1921-1925 годах сельское хозяйство Крымской АССР было с основным восстановлено. Как показывает проведенный нами анализ, оно не достигло дореволюционного уровня ни по площади посевов, ни по валовой урожайности как зерновых, так и специальных культур, по поголовью скота даже к концу 20-х годов. Характерно в этом отношении признание бывшего Наркома земледелия Крымской АССР Меметова, сделанное им в 1927 году: «В первые годы восстановления мы не имели ни возможности, ни опыта, ни сил регулировать этот процесс, он имел стихийный характер. Плановую работу мы начали вести только два года назад с составления перспективного плана».³³

Почему же случилось так, что, поставив перед сельским хозяйством Крыма задачу показать преимущества по производительности труда перед капиталистическим, органы Советской власти не обеспечили ее выполнения? Более того, допустили снижение показателей по отношению к 1914-1917 годам. Причиной тому – многие факторы.

Во-первых, провозгласив на VIII съезде РКП(б) в 1919 году союз рабочего класса со средним крестьянством, Советская власть на протяжении 20-х годов продолжала опираться в деревне на бедняцко-батрацкие массы, которые фактически ничего для государства не производили. Проводившиеся весенние выборочные обследования крестьянских хозяйств в Крыму показали, что огромное количество бедняцких хозяйств не имело собственных посевов. К примеру, в 1924 году таких хозяйств насчитывалось 24.000. Крымские органы власти планировали весной этого года осуществить в деревнях посев на 250.000 десятинах, а было засеяно 181.379 десятин.³⁴ В осеннюю посевную кампанию 1929 года власти Крыма планировали увеличить посевную площадь на 36,8%, а фактически по состоянию на 25 октября план посевной кампании был выполнен только на 69,4%.³⁵ Было очевидно, что определенная часть деревни не была заинтересована в расширении посевов и повышении урожайности. Эту часть крымского крестьянства составляли бедняцкие слои, пользовавшиеся многими льготами со стороны государства. На одном из совещаний в областкоме партии в 1927 году Нарком земледелия Меметов говорил: «Если взять цифры Наркомфина, то видно следующее: по Крыму освобождено от налога 24% домохозяев, то есть бедняков. Это 19.335 хозяйств. В отдельных районах число освобожденных от уплаты сельхозналога

доходит до 60-65%, некоторые деревни налог не платят совсем».³⁶ К сказанному следует добавить, что в 1928-1929 годах от уплаты сельхозналога были освобождены все бедняки и батраки. Проводившиеся на всем протяжении второй половины 20-х годов выборочные обследования бюджетов крестьянских семей и калорийности питания в разрезе по отдельным социальным слоям деревни показывали, что беспосевные и малопосевные хозяйства питались в калорийном отношении не хуже, чем среднепосевные (конкретные данные на этот счет будет приведены в последующих разделах диссертации). Поэтому бедняцкие слои крымской деревни больше рассчитывали на государственную материальную помощь, чем на собственное хозяйство, в ведении которого они мало были заинтересованы. Поэтому-то государство и вынуждено было в 1925 году временно снять ограничения на арендные отношения и наемный труд в сельском хозяйстве.

Во-вторых, основная тяжесть сельскохозяйственного налога, особенно во второй половине 20-х годов, перекладывалась на зажиточные слои деревни. В 1928-1929 годах вся сумма налога полностью была отнесена на «кулацкие» хозяйства. Уместно заметить, что во всех официальных отчетах органов Советской власти в 1924-1927 годах существовала графа «зажиточные и кулацкие хозяйства». В 1928-1929 годах она была заменена на графу «кулаки». Именно в это время, а точнее 8 февраля 1929 года ЦИК и СНК СССР приняли новый закон о сельскохозяйственном налоге, предусматривавший индивидуальное обложение им кулацких хозяйств и полное освобождение от него бедняцких.³⁷ В соответствии с этим законом Крымский областком ВКП(б) направил на места директиву, потребовав от партийных и советских органов неукоснительно проводить классовый подход к обложению сельхозналогом. В конце 1929 года секретарь Крымского обкома ВКП(б) Живов телеграфировал в ЦК ВКП(б) на имя Кагановича: «План хлебозаготовок Крыму двадцатое октября выполнен восемьдесят пять процентов тчк Принимаем все меры тому чтобы максимально скорее выполнить план все сто процентов тчк Под этим углом усиливаем нажим кулака».³⁸ В ответ Крымскому обкому пришла телеграмма из ЦК ВКП(б) за подписью Кагановича: «Сообщается постановление ЦК от 3 ноября 1929 года. 1. Сосредоточить максимум внимания на хлебозаготовках. 2. Совершенно недостаточен нажим на кулака, что является отражением нетвердого проведения партлинии. 3. О необходимой быстроте проведения соответствующих кар даны специальные директивы ОГПУ и НКЮстам. 4. Принять меры к усиленному сбору всех платежей по сельхозналогу, страхованию, ссудам, распространению займа индустриализации, провести самообложение. 5. Усилить посылку на село рабочих групп».³⁹ В таких условиях многие зажиточные крестьянские хозяйства (большинство из них стали таковыми после 1925 года), не видя стимула в расширении посевных площадей и повышении урожайности, либо полностью прекращали работать в своем хозяйстве, либо вели его без всякой заинтересованности в дальнейшем развитии.

В-третьих, на протяжении изучаемого периода все более обнаруживалось со стороны партийного и советского аппарата недовольство проведением новой экономической политики. После признания Сталина в 1925 году в незаинтересованности партии в ее продолжении, в крымской деревне не без участия властных структур обострилась классовая борьба. Группы бедноты, возглавлявшиеся комячейками и сельсоветами, все более активно противопоставлялись зажиточным слоям деревни. Политическая борьба не способствовала разрешению сельскохозяйственных проблем, они становились второстепенными. Крестьянское индивидуальное хозяйство было объявлено анахронизмом и не соответствовавшим задачам социалистического строительства. В руководящих документах ВКП(б) это просматривалось совершенно четко: в одной из директив ЦК в адрес Крымского обкома в 1928 году говорилось: «Провести немедленное изъятие всех кулацких земель без всякой компенсации ни за вложенный труд, ни за дополнительные насаждения, и передать их бедноте, организовавшейся в колхозы»⁴⁰.

Об отрицательном отношении партгосаппарата к НЭПу свидетельствует выступление делегата XV партийной конференции в Крыму сотрудника Наркомзема

Самединова: «Многие наши ошибки усугублялись тем, что мы административным путем регулировали рынок. Мы применяли методы военного коммунизма, арестовали крестьян, которые везли 2 или 3 пуда муки, или 2-3 килограмма масла на продажу в город. Преследовали за продажу на частном рынке. Облагали непосильными налогами не только нэпманов и кустарей, но и середняцкие хозяйства»⁴¹. Вполне понятно, что в такой политической атмосфере производители сельхозпродукции не были заинтересованы в результатах своего труда, в увеличении прибыли своих хозяйств. По случаю 6-ой годовщины Октября в Симферопольском Доме Крестьянина состоялась беседа представителей крестьянства с председателем КрымЦИК Ю.П. Гавеном. Крестьяне высказывали свое недовольство налоговой политикой Советской власти, указывали на истинную причину бедственного положения крымской деревни – классовую борьбу в ней.⁴² Подобные мысли высказывались делегатами беспартийных конференций, представлявших национальные меньшинства в Крыму – немцев, татар, болгар, греков и других.⁴³

В-четвертых, политика обострения классовой борьбы в деревне все более брала верх над соображениями экономического характера. Искусственно создавались условия, при которых задачи восстановления и развития сельского хозяйства отступали на задний план перед политическими соображениями. В партийном и советском аппарате создавалась нервная обстановка, при которой становилось опасным проявлять какую-либо хозяйственную инициативу. Становилось привычным искать и находить оппозиционеров, классовых врагов Советской власти. Ярким примером тому служит докладная записка одного из членов бюро Крымского обкома ВКП(б) Макара. Прочитав в «Правде» за 12 января 1929 года статью «Под бдительным оком», он писал из Севастополя: «Требую срочного созыва ОК и ОКК для обсуждения статьи. Ставлю под сомнение самокритики при нынешнем крымском руководстве. На деле со стороны некоторых руководителей бюро ОК имеется тенденция к смазыванию и откладыванию этого вопроса в долгий ящик».⁴⁴ Получило распространение доноительство: посылались письма из Крыма в ЦК и ЦКК ВКП(б). Такая обстановка в самом партийном и советском руководстве Крыма не позволяла серьезно заниматься хозяйственными делами. Главное внимание уделялось теперь политике, классовой борьбе с кулачеством и «правыми» оппортунистами. Все провалы в деревенской экономике Крыма были объявлены следствием враждебной деятельности расстрелянного в мае 1928 года бывшего председателя КрымЦИК Вели Ибраимова и его окружения. В одной из докладных записок Крымского ОК ВКП(б) в Центральный Комитет говорилось: «Политика, проводимая группой ибраимовцев, позволяла под разными предлогами и со всевозможными оговорками пользоваться этими землями помещиками и кулаками вплоть до 1928 года, в основном со спецкультурами Крыма. Крымская же партийная организация проглядела это, не смогла своевременно дать отпор извращениям, допускавшимся в земельном вопросе».⁴⁵ Надо полагать, что эта критика относилась к бывшему секретарю Крымского обкома ВКП(б) С.Д. Петропавловскому, который неоднократно защищал Вели Ибраимова от нападок на него. Итак, виновные были найдены, но истинные причины кризисного состояния сельского хозяйства Крыма замалчивались.

В-пятых, на протяжении исследуемого периода из российского центра и крымской столицы на места давались противоречивые указания относительно трудовых норм землепользования. В 1921-1923 годах землеустройство затягивалось под предлогом поисков компромиссного варианта такой нормы, с которой согласилось бы государство и которая удовлетворяла бы запросы крестьян. Только к 1924 году в Крыму была введена так называемая разверсточная единица наделения землей. Она определялась тремя основными факторами: 1) крестьянский двор в целом; 2) количество в нем трудоспособных работников; 3) число едоков в хозяйстве.⁴⁶ Однако такой подход к распределению земельных участков вызывал критику со стороны тех, кто имел в хозяйстве больше работников и меньше едоков. Такие крестьянские дворы имели больше возможности в расширении своих хозяйств перед теми, в которых часто бывал один, максимум два работника. По этой причине нормы наделения землей

неоднократно пересматривались, что вело к частым переделам земли. Политика переселения крестьянских семей в Крым из других регионов страны и расселения внутри республики из горных и предгорных районов в степную часть полуострова, создание новых зерновых хозяйств (совхозов) – все это отбивало у крестьян желание по-хозяйски относиться к земле, которая передавалась от одних хозяев другим.

На всем протяжении 20-х годов сельское хозяйство Крыма оказывалось неспособным прокормить население республики. Цены на продукты питания очень быстро росли. Подтверждением тому является отражение печатным органом Крымского обкома партии движения рыночных цен в г. Симферополе на протяжении ряда лет. Приведем для примера одну из таких публикаций.

Движение рыночных цен в городе Симферополе в 1924 году.

Наименование продукта	Вес, мера	Цены на: в рублях			Изменения в процентах	
		15.01	1.02	15.02	За две недели	За месяц
Мука ржаная	пуд	5.500	10.000	17.000	170	309
Мука пшеничная		13.000	24.000	36.000	150	277
Пшено	фунт	200	410	660	161	330
Картофель	фунт	170	400	700	175	412
Капуста квашеная	фунт	450	492	1.000	203	222
Свекла	фунт	300	900	900	100	300
Мясо	фунт	1500	3.000	4.100	137	274
Молоко	бутылка	350	600	1.000	167	287
Яйцо	штука	450	700	850	121	189
Масло подсолнечное	фунт	1.104	1.886	3.036	161	275 ⁴⁷

Как видно из приведенных данных, всего за один месяц на отдельные виды продуктов цены повышены в 3-4 раза. И это типично не только для 1924 года, но и в более позднее время, особенно в 1928-1929 годах. Правительство СССР было вынуждено принимать ряд постановлений по определению допустимых розничных цен на продукты первой необходимости, чтобы не возбудить недовольства со стороны рабочих и всего городского населения в ущерб хозяйственным интересам крестьянства.⁴⁸

И это характерно не только для Крыма, но и для всего Советского Союза, потому что всесоюзные органы власти постоянно устанавливали предельные розничные цены на продукты питания.⁴⁹

В конце 20-х годов заготовка хлеба для крымского городского населения велась на Украине. Но и здесь возникли трудности. 1 ноября 1928 года харьковский представитель Крымсоюза докладывал: "В последнее время положение на украинском рынке в отношении продовольственных товаров резко ухудшилось, в связи с чем целый ряд распоряжений регулирующих и контролирующих органов идут вразрез с интересами Крыма. Заготовка хлеба и круп с каждым днем падает".⁵⁰ Крымское руководство направило тогда своего представителя в Наркомат торговли СССР добиваться включения Крыма в план заготовок на Украине наравне с украинскими организациями. Поездка в Москву увенчалась успехом. Исполнявший в то время обязанности председателя КрымСНК Сенцов телеграммой сообщал в Совнарком Украины: "План заготовок на Украине – 100 вагонов. Крымсоюз заключил с "Сельским

Госпдарем" договор на поставку 100.000 пудов различных круп. Просим способствовать смягчению остроты переживаемого Крымом продовольственного кризиса".⁵¹

Таким образом, задача полного восстановления производительных сил крымской деревни после социалистической революции и гражданской войны на протяжении 20-х годов не была решена. Сельское хозяйство Крыма не только не дало образцов подражания для фермеров капиталистических стран и народов Ближнего Востока, как планировалось, а оказалось в состоянии глубокого экономического кризиса.

¹ Третий Всероссийский съезд Советов. Госиздат, м., 1918, с.33-47.

² Центральный государственный архив Республики Крым (ЦГАРК), ф. 1., оп.1, д. 53, л. 80.

³ ЦГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 403, л.1.

⁴ ЦГАРК, ф. 1., оп.1, д. 60, л. 40.

⁵ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17., оп.16, д. 178, л. 15-16.

⁶ Там же, л.27.

⁷ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д. 138, л. 20.

⁸ ЦГАРК, ф. Р-30, оп.3, д. 1, л. 3.

⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.13, д. 508, л. 6.

¹⁰ Там же, л. 48.

¹¹ Там же, л. 50.

¹² Там же, л. 37.

¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.13, д. 508, л. 46.

¹⁴ Там же, д. 502, л. 94.

¹⁵ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д. 71, л. 7.

¹⁶ Девятый Всероссийский съезд Советов. – Госиздат, М., 1922, с.167.

¹⁷ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д. 81, л. 3-4.

¹⁸ Там же, д. 314, л. 165.

¹⁹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Том. 1., М., 1949, с.85-86.

²⁰ Земельный Кодекс РСФСР. М., 1923.

²¹ Таблица составлена авторами на основе материалов, содержащих в Известиях Крымского областкома РКП (б), №2 за 1922 год; РЦХИДНИ, ф. 23, оп.14, д. 185, л. 14-15; ЦГАРК, ф. Р-652, оп.1, д. 1040, л. 7..

²² Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ) ф. 2313, оп.13, д. 148, л. 9.

²³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.14, д. 13, л. 27.

²⁴ Там же, д. 587, л. 15-16.

²⁵ Сталин И. Сочинения. Госполитиздат. М., 1947, т.7, с.357.

²⁶ Там же

²⁷ Таблица составлена авторами на основе материалов, содежащихся в РЦХИДНИ, ф. 17, оп.16, д. 118, л. 15; ЦГА РФ, ф. 2313, оп.14, д.117, л. 28-30; ЦГАРК, ф. Р-30, оп.2, д. 7, л. 84.

²⁸ Таблица составлена авторами на основе материалов, содежащихся в ЦГА РФ, ф. 2313, оп.13, д.168, л. 18; Народное хозяйство Крыма за 1927/1928 год. М., 1929, с.11-12.

²⁹ Народное хозяйство Крыма за 1927/1928 год. – Симферополь, 1929, с.14.

³⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.16, д. 256, л. 122-123.

³¹ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д.854-а, л. 26-27.

³² Очерки истории Крымской областной партийной организации. – Издательство "Таврия", 1981, с.115.

³³ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д. 309, л. 73.

³⁴ Красный Крым, 1924, 1 марта.

³⁵ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д.855, л. 86.

³⁶ ЦГА РФ, ф. 2313, оп.16, д.18, л. 123.

³⁷ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д.920, л. 90.

³⁸ Там же, л. 58.

³⁹ Там же, л. 69.

⁴⁰ Там же, д. 837, л. 220.

⁴¹ Там же, д. 940, л. 277.

⁴² РЦХИДНИ, ф. 17, оп.16, д. 128, л. 13.

-
- ⁴³ Красный Крым, 1923, 6 мая.
⁴⁴ ЦГАРК, ф. 1, оп.1, д.861, л. 1-2.
⁴⁵ Там же, д. 837, л. 220.
⁴⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.13, д. 756, л. 13.
⁴⁷ Красный Крым, 1924, 20 февраля.
⁴⁸ Красный Крым, 1927, 8 апреля.
⁴⁹ РЦХИДНИ, ф. 1, оп.12, д. 124, л. 17.
⁵⁰ ЦГАРК, ф. Р-652, оп.1, д.1534, л. 1.
⁵¹ Там же, л.3.